

ФЕОДОРА ИВАШОВА

НЕСЛУЧАЙНОСТЬ

Феодора Ивашова

Неслучайность

«Издательские решения»

Ивашова Ф.

Неслучайность / Ф. Ивашова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935067-1

Как жить, когда вдруг оказалось, что не помнишь, кто ты и откуда? Но оказывается, ещё сложнее, когда вспомнил. Хорошо, что вокруг всегда есть люди, которые придут на помощь. Книга была написана в 2004 году, и впервые выпущена в свет в виде комикса на форуме, где получила массу положительных отзывов.

ISBN 978-5-44-935067-1

© Ивашова Ф.
© Издательские решения

Содержание

Находка	6
1	6
2	8
3	11
4	15
5	18
6	20
7	22
8	25
9	27
10	28
11	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Неслучайность

Феодора Ивашова

© Феодора Ивашова, 2018

ISBN 978-5-4493-5067-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Находка

1

Я села на ступеньку и закурила. Мысли вращались нечеловечески медленно. Хотелось есть. Я пошарила глазами и нашла лоток с сосисками. Шевелиться лень. Сейчас докурю и пойду, куплю что-нибудь. Солнце выглянуло в дырку в облаках и ласково пригрело, я подставила ему лицо, зажмурив глаза и улыбнувшись.

– Девушка, вы не подскажете, сколько времени? Не будет ли у вас огоньку? Можно с вами познакомиться? – протарахтело рядом.

Я протянула нахалу зажигалку. Машинально отвернула рукав куртки, но часов на руке не было. Блондинчик сел рядом, прикурил и вернул зажигалку.

– Спасибо. Так как вас зовут?

Он был ничего такой. Симпатичный и веселый. В косухе и джинсах, с длинными светлыми волосами, собранными в хвост. Лицо с правильными чертами, про такие говорят: внушающее доверие. Почему бы и не познакомиться? Имя свое сказать – ведь это еще ничего не значит. Примерно такие мысли промелькнули в голове, я даже открыла рот, но не успела издать ни звука.

Имя? – шарахнуло меня как молнией.

А какое, елки-палки, у меня имя???

Я поняла, что значит «потемнело в глазах». Я их закрыла и потерла виски. Стало нехорошо. Катя? Аня? Лена? Ничего не шевелится. Все может быть.

– Девушка! Ау! Вам плохо?

– Подождите минутку...

Голова кружилась, и я никак не могла вздохнуть. Мир превратился в хаос и обрушился всеми своими вихрями и тьмой на меня... Прошло, кажется, не одно столетие, прежде чем воздух перестал быть каменным и позволил себя вдохнуть. Ира? Света? Марина?.. Спокойно. Я приехала. Куда? И зачем? И вообще, откуда я, мама??!

– Я заблудилась. Что это за город?

– Ну, привет! Это Коломна, – он посмотрел на меня с пониманием, и улыбнулся.

– Молодой человек, мне нужна помощь, – сказала я с отчаянием, осознав более-менее, что случилась какая-то беда, и одна я с ней не справлюсь.

– Что нужно сделать? – он стал совершенно серьезным и внимательным.

– Не знаю, – прошептала я и отбросила истлевшую сигарету.

– А что случилось? Так, давайте возьмем пива, сядем в нормальном месте, и вы мне все расскажете.

– Я не люблю пиво, – сказала я и осознала это. – Я не люблю пиво. Не люблю. Ага.

Парень посмотрел со страхом. Я встала, отряхнула брюки и сказала, устало перейдя на «ты»:

– Пойдем куда-нибудь, води.

Мы купили пиво и долго шли молча вдоль железной дороги. Остановившись, наконец, сели на подгнившую доску, валявшуюся на пригорке, чуть в стороне от насыпи.

– Давай, рассказывай. Я тебя слушаю.

Я не знала, с чего начать. Да и где тут начало? По всем приметам больше похоже на конец.

– Чертовщина какая-то...

Достала еще одну сигарету, закурила и стала смотреть на снежный островок под ногами, похожий на ушастую голову зайца. Мой неожиданный спутник тоже щелкнул зажигалкой (своей, кстати).

– Так как тебя зовут-то? – спросил он, выпустив первый клоч дима.

– А тебя? – не отрывая взгляда от «зайца», я переадресовала вопрос.

– Андрей.

Я помолчала секунду и решилась.

– А я не знаю. Только что я нашла себя, и не знаю, кто я и где я. У меня, видимо, потеря памяти. Самая настоящая. И как мне можно помочь, я тоже не знаю.

Я похлопала себя по всем карманам, потому что вдруг вспомнила о паспорте, потом залезла в каждый по очереди. Зажигалка. Чек. Мятая десятка и двухрублевая монета. Ни паспорта, ни какой-нибудь захудалой записной книжки...

– Посмотри на меня, пожалуйста, откуда я могла приехать?

– Да откуда угодно, – медленно сказал он.

– Чертовщина какая-то, – повторила я. – И что делать дальше, я не знаю. То ли я почти дома, и просто за хлебом вышла, то ли мне еще пикировать хрен знает куда.

– Да-а. Задница. Но не бойся, что-нибудь придумаем. Так, значит, тебя надо вписать... Поехали, по крайней мере, переночуешь. А с утра, может, и вспомнишь что-нибудь... Тебя по голове не стукали?

– Откуда я знаю? – задумчиво ответила я. – Может и стукали, – ощупала голову. – Вроде не болит.

– Ладно, пойдем, – он встал, позвеневав косухой, и стал неловко спускаться с пригорка в рыхлый снег в низине. Я сбегала следом. Начал накрапывать дождь.

– ...Без имени жить нельзя. Человека, если у него нет привязки к реальности, к жизни, можно назвать любым именем, любым словом, и управлять им как угодно. Если имя есть, то есть шанс сопротивляться. Надо как-то вспомнить. Ты не из Коломны?

– Говорю же, не помню ничего!

– Блин... Хоть город узнаешь?

– А хрен его знает! Кажется, что вижу впервые, но мне сейчас много, чего кажется.

– Наверное, ты с электрички сошла?

– Я с ума сошла, – пробормотала я, ежась от холодных капель, попадающих за шиворот. – Да, вполне могла. Иначе что бы я делала на вокзале? А поезда тут не останавливаются?

– Нет. Так, а какая была электричка? – он взглянул на часы (тоже свои – я улыбнулась). – Тринадцать тридцать две из Рязани. Или ты из Москвы? Откуда же тебя в такую рань могло принести-то? Надо посмотреть, во сколько еще здесь что проходило.

– Вернемся, посмотрим?

– Да у меня дома есть расписание. Сейчас ко мне зайдём, хорошо?

2

Таких пятиэтажек у нас по стране миллиард. Странно, но именно это я помню. Интересная штука – потеря памяти. Почему-то я помню, что пятиэтажки в каждом городе, что Коломна расположена на юго-востоке от Москвы и стоит на Оке, я помню слова и умею говорить. Но не помню своего имени, адреса и прошлого. Кстати, то, что я помню расположение Коломны на карте, говорит о том, что я, наверняка, не с Урала и не с Камчатки. Даже, скорее всего, жила где-нибудь в этом городе или неподалеку от него. Или бывала тут. Не прошло и часа, как я, пережив бурю в своем тронутым уме, приняла ситуацию, поверила в происшедшее и задумалась о дальнейших действиях.

Андрей тоже жил в пятиэтажке, на четвертом этаже. Он открыл дверь ключом и впустил меня в квартиру. Серая кошка на полусогнутых лапах убежала в комнату и только испуганно выглядывала из-за косяка.

Я сняла ботинки, оставшись почему-то босиком, даже без носок. Андрей дал мне вязаные тапочки и провел по ковровой дорожке в комнату. Комната его была соответствующей. Желтые обои с мелким рисунком, полки с книгами (в основном, фантастика) и кассетами, плакаты, письменный стол с кучей бумаг, сигаретных пачек и радиодеталей, электрогитара небесно-голубого цвета, колонка аппаратуры и узкая кровать с бежевым покрывалом.

– Извини за бардак и все такое, – дежурно сказал Андрей, сминая в кулаке две пустых пачки.

Снял косуху, залез под стол, достал оттуда зеленый телефон с диском, поставил его на кровать и полулег рядом.

Я жадно впитывала свой новый, незнакомый мир, стараясь ничего не упустить. Мне предстояло все узнать заново. Эта комната была первым и пока единственным человеческим жильем, увиденным в моей новой жизни. И я легко могла представить его своим, я запросто могла жить в такой же комнате.

– Але? Жень, хай! У тебя девчонку вписать можно?.. Девчонка неизвестно откуда. Очу-халась у нас в городе и ничего не помнит... А я откуда знаю?.. На полу? Не знаю. Эй, найденыш, ты на полу спать будешь?

– Да почему нет?

– Давай. Хорошо, мы сейчас придем. И это... Слушай, позови этих наших детективов... Ну всех зови, их же не табун!.. Ну, пусть, как смогут, подтягиваются. А чего ты не на работе?.. А-а... Я? Да чего там делать!.. Да ладно! – он расхохотался. – Это, Жень, все неспроста. В это время я был нужен в другом месте, где и оказался. Да в этом году закончу, сколько уж можно учиться?! Все, жди, короче. Мы идем, – телефон жалобно звякнул.

– Найденыш, чего ты стоишь? Садись, – он шлепнул по кровати. – Чай будешь? Я сейчас сделаю. Попьем, и пойдем в гости.

– А что это за детективы? – спросила я, когда он вернулся с кухни.

– Да есть там одна развеселая компания. Занимается фигней всякой. Типа, кто у кого калькулятор спер; максимум – кто колеса в машине проковырял. Детство играет.

Я вытащила ногу из тапочка и внимательно ее рассмотрела. Нога как нога. Только грязь между пальцев и ногти как копыта, страшные. Помыться бы... интересно, когда я в последний раз это делала?

– Андрей, а где-нибудь помыться можно будет?

– Да у Женьки, если никто ничего с ванной не сделал. Пойдем на кухню? Да, ты есть хочешь?

– Жутко хочу.

– Ну вот. Пошли, найдем чего-нибудь.

Пока грелись котлеты с гречкой, Андрей сел напротив меня за стол и попытался начать расспросы.

– С какого момента ты себя помнишь?

– Как села на лестнице и закурила... И вообще, а почему мы уперлись, что я с электрички? Мало ли, за какой надобностью меня на вокзал принесло?

В дверь позвонили. Андрей ушел открывать. Я услышала:

– Во! – и дальше бубнёж и шуршание курток.

Вошло их трое. Андрей подталкивал в спину парня лет двадцати пяти в оранжевой рубашке и салатовых джинсах и девушку помладше в полосатой вязаной жилетке.

– Ну, знакомьтесь! Это, собственно, Находка, а это наши Пинкертоны...

– Сам такой, – вставила девушка.

– ...Ирина, Самсон. Он же Константин Самсонов... Как вы так быстро?

– Женька позвонил, у нас как раз лекция закончилась. Мы снялись и поехали. Машину поймали.

– Вы тоже голодные?

– Обойдёмся! Вы жить пойдете к Женьке, я так поняла? Там поговорим?

– Давайте там, какая разница. Ты не торопи только, дай хоть пожрать по-человечески!.. Так, подождите. Находка, мы не договорили... Ты, значит, думаешь, что могла и не с электрички сойти?

– Запросто, почему нет? Может, я наоборот уехать собиралась. Или встречать кого пришла. А может, приехала, но совсем утром. И с ранья по городу мотаюсь. Устала, присела. Или на автобусе приехала. Или на машине.

– Да уж... – Андрей потер лоб. – Тоже как не фиг делать... Но если ты из Коломны, тебя здесь кто-нибудь должен знать.

– Вы уже расследуете? Без нас?

– Ох, обидься ещё, Ирка!

– Ир, действительно не игрушки, ты не понимаешь? – серьезно сказал Самсон.

– Вы чего взъелись? – удивилась Ирка. – Давайте только вместе все делать. Мы, Андрей, все-таки уже кое-чего расследовали, а вы тут между собой потрещите, а нам потом повторить забудете.

– Ничего, вы детективы, сами догадаетесь. И потом, не один фиг, кто все выяснит?

– Я думаю, что не мы, – сказал Самсон, ломая спичку. – Очень уж всё, блин, странно...

– Самсон, в себя надо верить, тебя не учили? И потом, если не мы, то кто?

– Хрен в пальто! В милицию идти надо. В больницу, чтобы проверили, нет ли сотрясения, или еще какого нарушения. Наверняка, тебя по чайнику треснули. Может, и спёрли чего.

– Да наверняка спёрли, – у меня ничего нет. Ни денег, ни документов. А ведь были же, наверное!

– Бесспорно, когда-то документы были, – согласился Андрей.

Самсон, несмотря на вызывающе яркое одеяние, рассуждал наиболее здраво, но Ирке, видимо, очень не хотелось расставаться с таким необычным делом, вдруг на неё свалившимся.

– Ага, в милицию! – закивала она. – Хорошо придумали! А если она кого-нибудь пришла? И по фотороботу, а?

– Ирка, не мели чушь.

– Да ну, Ир, ты чего такое говоришь-то?... – возмутилась и я.

– Хорошо, идите в милицию. Но ничего нельзя отвергать, сами знаете. Даже самую бредовую версию проверять надо.

– В любом случае, согласись, Ира, у них больше возможностей.

– А желания, Костя? Желания у них сколько?

Самсон отмахнулся:

– В милицию надо. Только сначала в больницу, чтобы зафиксировать потерю памяти.
А потом уже к этим.

– Слышите, сыщики, а вдруг её не доби́ли, и будут искать? – осенило Андрея.

– Фу, ну ты скажешь! – снова возмутилась я.

– Нет, правда! Тогда лучше не высовываться и сидеть тихо.

– А вы меня, случайно, не знаете?

Все переглянулись и пожали плечами.

– Андрей, у тебя сейчас сгорит. Я не тороплю, но давайте, ешьте!

3

Женька жил через дом. Дверь в квартиру была украшена большой надписью белилами «Уважаемые соседи, нас много, но мы хорошие!», а поверх слова «хорошие» красовалось помадное «казлы». Дверь оказалась не заперта, и мы вошли.

Тут, в отличие от квартиры Андрея, не было ковровых дорожек, да и линолеум лежал волнами. У двери стояло множество ботинок, кроссовок и сапог, в том числе пара болотных. На гвоздях, вбитых в стену, висели куртки и прочая верхняя одежда. Перед зеркалом на тумбе стоял телефон, а вокруг зеркала обои были исписаны цифрами и сообщениями. Стена напротив напоминала лохматого зверя – сверху топорщились многочисленные записки, а снизу явно постаралась кошка.

Мы пополнили обувную кучу и вошли в кухню.

Хозяин деловито подтянул тренировочные штаны, раскланялся с каждым, грохнул на плиту чайник и сел на подоконник.

– Ну, рассказывайте, кролики.

Я села на табуретку у двери, Андрей – у холодильника, остальные вокруг стола, при этом Самсон наступил в блюдо с водой, стоявшее в углу.

Женька был давно не стриженным кудрявым брюнетом, к тому же без одного переднего зуба. Одет он был в черные спортивные штаны с растянутыми коленками и зеленую линялую футболку.

– Давайте все сначала, – Ирка достала из сумки тетрадку о двенадцати листах и, что-то написав на обложке, открыла ее. Самсон положил на стол диктофон.

– Итак. Сегодня у нас двадцать второе марта две тысячи второго года, пятница.

– Очень приятно, – сказала я. – Тут курить можно?

– Можно, – Женька, не вставая с подоконника, дотянулся и открыл форточку. – Тут практически всё можно.

Я достала из кармана сигареты, и зашарила по карманам в поисках зажигалки.

– Тебя бы сфотографировать, – сказал Самсон, откинувшись к стене вместе с табуреткой. – Пригодится наверняка.

– Как тебя записать-то, Находка?

– Так и пиши, как слышишь.

– Ага. Находка. Найдена на станции Голутвин в... Андрюх, сколько времени было?

– Было без десяти два, но это спустя какое-то время. Пиши «без двадцати».

– Андрей, – спросил Самсон. – Как ты Находку увидел?

– Иду по площади. Смотрю – на ступеньках вокзала сидит симпатичная девушка и щурится на солнышке. Вроде бы всем довольна.

– Я и была всем довольна. Пока до меня не дошло, что я не знаю собственного имени.

– До сих пор ничего не помнишь?

– Абсолютно ничего нового я не вспомнила. Даже проблесков никаких.

– Может, поспишь, вспомнишь? – предположил Женька с сочувствием.

– Не исключено, – с надеждой согласилась я.

– Так, ладно... Зафиксированное время – тринадцать сорок, предположительное время высадки с электрички, если она имела место... а-а...м-м... Сколько ты сидела? – Ира обратилась ко мне.

– Ну не знаю я, блин! Не знаю! Может, я полчаса по городу шаталась, прежде чем сесть, может, со вчерашнего вечера, может, только с этой долбаной электрички сошла... Может, и вообще не с электрички. Может, меня на машине привезли и выгрузили... Может, я сама

за рулем приехала, а меня по чайнику долбанули, а машину угнали. Какое тогда имеет значение, сколько я на лесенке загорала?

– Значение может иметь все что угодно, – назидательно сказала эта мисс Марпл. Или миссис? Тут помню, тут не помню...

– Надо будет проверить, умеешь ли ты водить машину. И вообще, что умеешь. Я слышала, что навыки люди помнят.

Я кивнула, прикуривая, и с удовольствием выпустила дым. Самсон повертел мою пачку в руках, заглянул внутрь и положил обратно.

– Девушка лет восемнадцати-двадцати двух. Волосы тёмные, короткие, слегка выются. Глаза карие. Рост... Так, это потом. Одета в зеленую куртку, короткую, на молнии, с карманами. В карманах... Находка, пардон за наглость, что у тебя в карманах?

– Ни хрена там нет, – я вытряхнула все содержимое на стол. Кроме курительных принадлежностей все те же двенадцать рублей и чек.

Самсон с Ирккой мгновенно и одновременно схватились именно за него. Ирка уступила.

Самсон пробормотал:

– ООО «Тонус М», двадцать второе, ноль третье, ноль второе. Девять-двенадцать, двенадцать пятьдесят, спасибо за покупку.

Очевидно, эти самые сигареты. Сегодня утром. Где, ёлы-палы? Ира записала еще что-то и поставила восклицательный знак.

Потом мы всей толпой вышли в прихожую обследовать мои ботинки. Грязь на них была самая обычная – у нас пол-России носит на ботинках такую. Да и сама обувь была довольно распространенной – черные ботинки унисекс на шнурках, только потёртые и морщинистые. Коричневые брюки, явно новые и с девственно чистыми карманами, зато с прилипшей на штанину жвачкой. Черная шапочка, которую, помню, называют неприличным словом. В общем, детективы обнюхали все, что могли, но выводы о моем происхождении, прямо скажем, не запрашивались.

Когда мы вернулись на кухню, Ира достала мобильник и набрала номер.

– Кир, слушай. Тут новое дело. Ты прямо с работы забеги на вокзал, купи расписание и обязательно узнай, не было ли изменений и опозданий... Все электрички, по всем направлениям. Так. И еще осмотри палатки, какие попадутся по дороге, особенно у вокзала. Нет ли где-нибудь «Тонуса-М»... Тонус!.. Сам ты такой!.. М! Миша. Ага, пока!

– Ир, у меня есть расписание, – сказал Андрей. – На кой покупать?

– Сбегай тогда, принеси.

– Ломает, честно говоря, но ради дела... Кстати, смотрите, зажигалка поцарапана.

– Ну и что? – спросил Самсон и показал свою. – Ты лучше обрати внимание на её руку. Откуда такие шрамы?

– Вот уж не знаю! У меня такого никогда не было.

То, о чем они говорили, я заметила, ещё сидя на дощечке с Андреем. Пальцы правой руки были сплошь покрыты розовыми и синюшными пятнами с неровными краями.

Андрей ушёл за расписанием, а Ирка перезвонила Киру и внесла коррективы в задание.

Чайник задышал паром, Женька выключил газ. Ополоснул под краном темно-синюю чашку, насыпал в неё щедрую горсть заварки, добавил восемь чайных ложек сахара и залил кипятком. Взял чашку и снова сел на подоконник.

– Жень, у тебя фотоаппарат с плёнкой есть?

– У меня нет, но сегодня Белый должен зайти.

– Знаете, что я думаю, – медленно сказала Ирка, вертя мою зажигалку в руках. – Позвоню-ка я Лерке. Сводим тебя в больницу. Может, и правда скажут чего? К тому же такие вещи вряд ли полезны для здоровья.

– А меня куда не упекут так сразу?

- Я и говорю, через Лерку, неофициально.
- Тогда мне, как минимум, помыться надо.
- Сейчас помоешься. А я Лерке буду звонить. А надеть тебе есть что?

– Да это фигня, – сказал Женька. – У меня тонна тельняшек и другой фигни. Щас дам чё-нибудь, – он отставил чашку, сполз с подоконника, подтянул штаны и ушёл в комнату.

Пока я плескалась в ванной и стирала свои шмотки, а Ирка звонила Лерке, вернулся Андрей, и пришёл обещанный Белый с фотоаппаратом. Его посвятили в историю, и он, пылая желанием мне помочь, сбегал к машине, притащил и принялся устанавливать какие-то штативы и лампы.

Я вышла к народу в пресловутой тельняшке, чьих-то здоровенных джинсах и серых шерстяных носках, с волосами ёжиком от рьяного вытирания полотенцем. В ванной я долго разглядывала себя в зеркале, обнаружила родинку на локте, ещё несколько шрамов неизвестного происхождения, но в целом смотрелась неплохо и себе понравилась.

Когда я вышла из ванной, Женька вручил мне фен, самодельный, судя по размерам, болтам, изолене и рёву. В три минуты я высохла, а в спальне меня уже ждала настоящая фото-студия.

Белый оказался серьёзным и толковым человеком. Он то, прищулив глаз, смотрел на меня издали, то просил повернуть как-нибудь голову или поменять положение рук. Сделал кучу кадров, с разных сторон и расстояний.

Ирка начала его торопить, чтобы мы успели в больницу, ей позвонили на мобильник, она ласковым голосом пошебетала с «милым», нажала на кнопку, и голос её снова стал деловым.

– Все, Находка, помчались!

– А знаете, что я придумал? – вдруг закричал Андрей. – Сегодня Находка нашлась, значит, у нее как бы день рождения! Давайте вечером отпразднуем?

– Тогда и подарки надо, – сказал Женька, устрояясь поудобнее у косяка.

– Само собой, – ответила Ирка, завязывая шнурки.

– Ради Бога, разве ж я против подарков? – улыбнулась я.

– Все, пожелайте нам удачи, мы полетели!

И мы «полетели».

Больница тоже была недалеко, в пределах пешей доходимости. Лерка встретила нас на крыльце. Рыженькая и курносая медсестричка.

– Это ты потерялась? – она с любопытством посмотрела на меня.

– Я, кто же еще? – я отбросила окурок и почему-то вытерла руку о джинсы. – Только, наоборот, не потерялась, а нашлась.

– Ну пошли... Только куртку внизу оставь. Ирка, ты тут посидишь, или с нами пойдешь?

– Лучше с вами, чего внизу-то сидеть?

– Ну пошли, сейчас халаты возьмём...

От врачей я узнала следующее. Мой рост – метр шестьдесят четыре, вес сорок семь килограмм, давление сто десять на семьдесят. Зрение отличное, слух тоже. Сердце так себе; нервы, похоже, не очень (ну еще бы!), курить не стоит, группа крови – вторая положительная, остальное завтра. Половых контактов в последнее время не было, но вообще были. Не рожала, не беременная, вроде не больная, это тоже потом. Пару зубов стоит вылечить, еще штук восемь с пломбами разного качества и срока давности. Горло красное, полоскать надо. Лёгкое искривление позвоночника. Сотрясения мозга нет, но есть свежий около месяца, шрам на бедре – зацепилась за что-то. Шрам на ступне – старый, наверное, на стекло наступила. На пальцах – след от ожога, тоже свежий. Почему-то не подумала, что это ожог.

Ещё мне предложили лечь в больницу, но сами же посоветовали этого не делать, если есть где жить. А вообще-то надо, сказали они, ехать в Москву, в институт Сербского, там больше средств и возможностей для выяснения причин моего беспамятства.

До дома Женьки еле доползли. Квартира бурлила. Мало того, что все постояльцы вернулись кто откуда, так им ещё и обо мне рассказали.

Я, казалось, слона съем. Но мне дали только картошки с тушёнкой. Ирка есть не стала, и убежала, попросив перенести день рождения на завтра. Я согласилась.

В ночи снова пришёл Белый и принёс готовые фотографии. Я на тот момент уже лежала на предназначенном мне матрасе не в силах открыть глаза. Так что просмотр тоже отложили до завтра.

Сумасшедший, бредовый, мало похожий на реальность день, двадцать второе марта две тысячи второго года закончился мгновенно.

4

Мой второй день рождения, точнее его празднование, пришлось на субботу, поэтому с утра никто не убежал, но некоторые, впрочем, спали до обеда. Проснувшиеся прицепились ко мне с вопросом, не прояснилось ли у меня в голове. Я честно прислушалась к своим ощущениям, и поняла, что не прояснилось. Страшно проснуться и понять, что вчерашний кошмар оказался не сном.

Покинув постели, мы с Женькой и полненькой девушкой Нюрой занялись приготовлением угощения. Каких-то двух парней отрядили за выпивкой. Через форточку вернулась с прогулки кошка Мамайка дикой чёрно-рыжей окраски. Вчера я её не видела, а может, просто не запомнила, чему тоже не удивлюсь. Перспектива новой потери памяти меня испугала, я стала лихорадочно перебирать в памяти имена своих новых знакомых.

Примчалась Ирка.

– А ну отпустите именинницу! Сами готовьте! Находка, пошли подарки выбирать!

– Ир, да на кой выбирать? У меня все равно ничего нет, что ни подари, не ошибёшься.

– Мерить пошли! Чтобы костюмчик сидел!

Стало ясно, что с Иркой спорить бесполезно. Я сказала Нюрке:

– Нюр, брось готовку. Приду – доделаю.

– Да ладно тебе! Чего тут делать-то?

Ирка подошла к задаче практично.

– У тебя ведь совсем ничего нет? Значит, тебя надо, как минимум, одеть, – и вытянула из-под кровати чемодан.

Дунула на крышку – взвилась куча пыли.

– Фу, – сказала я и помахала рукой.

– Терпи, коза, – отозвалась Ирка, открыла чемодан и чихнула. – А то мамой будешь.

Вот, примерь батину рубашку, и вот это тоже – в меня полетела байковая рубашка в клетку и сиреневая водолазка. Я влезла в обе вещи, покрутилась.

– Кстати, Находка, может, тебе имя какое пока выбрать? На время, пока не вспомнишь?

– Ага, чтобы я к нему привыкла, и вы тоже. А потом – бац, и я Акулина какая-нибудь.

– А если не вспомнишь?

– Типун тебе! В крайнем случае, меня найдут и скажут, как зовут.

– Как-то не по-человечески без имени.

– Пусть. У меня есть имя, просто мы его не знаем. Я согласна быть Находкой, хоть светфором, но не ходить под чужим именем... Ну что, как? Вроде в самый раз.

– Да, ничего, вроде. На вот, еще юбку померяй. И эту. Она точно подойдет, правда, она летняя.

Теперь я поймала две юбки – одну чёрную, до колен, другую – цветастую, до пола. Длинная действительно оказалась в самый раз, а короткую имело смысл ушить. Я без лишней гордости взяла обе.

Потом Ирка выловила в чемодане красную майку, классические джинсы, обтрепанные по краям, и чёрные брюки, которые оказались мне коротки.

Далее по принципу «На тебе, Боже, что нам не гоже» Ирка запихнула мне в пакет синий вязаный свитер в затяжках, шерстяное бабушкино платье, полосатую шапку с шарфом и рейтузы с дыркой в интересном месте. Но я не кочевряжилась; более того, была рада.

Все-таки, тельняшка с такими большими джинсами, что я все время боялась их потерять, не самая универсальная одежда. Тем более, кто знает, может, в прошлой жизни я носила костюм от Тома Кляйма, или даже от Версаче, и туфли на шпильках? И кто ж меня теперь узнает?

По пути от Иркиного дома до Женькиного зашли на рынок, где она мне велела отойти в сторону и что-то купила. Я тем временем настреляла три сигареты – моя пачка кончилась.

За праздничный стол условно приняли пол нашей бомжовой спальни, настелив газет.

– Я сегодня мамашке в Пермь письмо отправила, на тебя насмотревшись, – сказала Нюрка.

– И я звонил, – засмеялся Артем, длинный парень с белым хвостом до пояса. – Вот что значит наглядная агитация!

– Обрадовались небось, – сказала я блудным детям.

– Офигели! А сейчас, наверное, осмыслили и счастливы.

Мне стало радостно за Темкиных родителей, и еще больнее за абстрактных своих.

Спустя минут десять я вылезла на улицу за хлебом, о котором все на радостях забыли, и столкнулась у палатки с Леркой.

– Привет!

– Привет!

– Ты не ко мне?

– Да нет, я к тётке заходила.

– А сейчас свободна? Пошли ко мне на день рождения?

– У тебя сегодня? Ты вспомнила?! – Лерка подпрыгнула и засияла.

– Хрен там, – я вздохнула и махнула рукой. – Это Андрей придумал. Я родилась в новой жизни.

– Ой, Находка... Ты у Женьки, да? Я тогда сейчас приду.

– Давай, заходи! Я тебя ждать буду!

Из угощения на полу стоял салат из риса с рыбными консервами, варёная картошка с тушёнкой, маринованные огурчики и вишнёвый компот от Белого, бананы, корейская морковка, вафельный торт (его притащил Андрей), крабовые палочки, огурец и два помидора, порезанных дольками, сыр и море портвейна.

Пришла Лера, пришли детективы в полном составе – их оказалось четверо, ещё Кир и Серега. Белый отозвал меня в кухню и протянул пачку фотографий. Мне сразу стало ясно, что он – фотограф от Бога, и никто никогда меня в этом не разубедит. Если б я была парнем, я бы непременно влюбилась в девушку с фотографий. Но парнем я не была, поэтому просто смотрела восхищённо, и не верилось, что это я.

– Ты офигенный фотограф, – сказала я плоскими словами, потому что не знала других, таких, чтобы передать своё восхищение.

– Да ладно тебе, – он отмахнулся. – Надеюсь, что пригодится.

– А это мне?

– Тебе, конечно. А ты хорошая фотомодель, практически все неплохо получилось.

– Ни фиги себе, неплохо! А ты себе не оставляешь?

– Оставил, а как же!

– Послушай, а как тебя зовут-то?

– Андрей.

– Еще один Андрей. А почему Белый? Или это фамилия?

– Нет, моя фамилия Белов, – он улыбнулся. Интересное у него лицо – острые скулы, большой рот и уже появившиеся морщинки – на лбу, на щеках от улыбки и лучики в уголках глаз; черный ёжик волос.

– А ты, кажется, взрослый...

– А ты нет?

– Да, конечно. Но ты постарше остальных будешь.

– Постарше, угадала.

– Эй, ну куда вы ушли? Давайте начнем уж! – заглянул Андрей-первый.

И мы начали.

Пили за моё появление, желали найти себя, потом дарили подарки. Я их складывала на свой матрас. Включили музыку, а, когда все поднабрались, устроили танцы, сдвинув угощение к батарее. Потом пошли гулять, дошли до Оки, выкурили там одну сигарету на двоих с Андреем, полазали по каким-то развалинам, поиграли в паровозик на трамвайном кругу. Вернулись уже в сумерках. Снова пили и ели. Белый бегал с фотоаппаратом. Искали гитару, но безуспешно. Ирка отобрала у меня несколько фоток и сунула к себе в сумочку – «для дела».

– А интересно, если Находку напоить, она вспомнит себя? – спрашивал захмелевший Тёмка.

– Не придумывай! – строго отвечала медсестра Лера. – От этого память только портится!

– Давайте играть во что-нибудь!

– В «мафию»!

– В «бутылочку»!

– В «ручеек»!

Я пропустила мимо несколько рюмок, чтобы не напиться, упаси Бог. Видимо, помнила, что бывает плохо, если перепить.

Станцевали под «Там, за туманами» с Андреем, потом под Земфиру с Самсоном.

Народ, наконец, собрал посуду и поутих. Ушли гости, пришла Настя. Вечер можно было считать закрытым. Я засела на матрас разбирать подарки. Меня завалили. Женька подарил плеер с кассетой «Крематория», Ирка – некоторое количество белья, в том числе кружевного; Лерка – книгу Мураками, кассету всё той же Земфиры и в довесок информацию, что по анализам я здорова. Белый преподнёс фотоальбом для уже готовых фотографий, Нюрка – бандан и фенечку, Тёмка – носки и тапочки, Самсон – игрушечного зайца и конверт с деньгами, Кир – чашку, Серёга – складной нож в обмен на последние два рубля. Был ещё один комплект белья, колготки, ежедневник, блок сигарет, сказки Андерсена, кассета Вивальди и ручка-зажигалка. Праздник удался. А я, неизвестно кто и откуда, снова уснула мёртвым сном в странной, гостеприимной квартире города Коломны.

5

Утро оказалось добрым. Я проснулась поздно, когда солнце уже расчертило квадратами пол, матрасы и одеяла. У меня в ногах спала Мамайка. Я сладко потянулась – было невыразимо уютно. Матрас казался чуть ли не периной, а спальник – пуховым одеялом, если таковые бывают. Мамайка поймала моё состояние и тоже потянулась (всеми четырьмя лапами в одну сторону), да так и осталась лежать рогаликом.

Из кухни доносилось с шипением и фальшью душераздирающее: «я отдалась тебе в кустах сирени. Вокруг стоял красивый тёплый май. Цвели цветы, звучало птичье пенье, и голос твой напоминал мне рай...»

– Слушайте, да вырубите её кто-нибудь! Кто вообще эту дрянь принес? – раздался Женькин голос.

– Жень, ну надо же послушать, а вдруг у неё есть что-нибудь хорошее!

– Настя, радость! Я никого не хочу обидеть, но у человека, который поёт на полном серьёзе такие вещи, в принципе не может быть ничего хорошего.

– И таким голосом, – добавил невидимый Темка.

– А вдруг?

– «Вдруг» слушай в наушниках. Не насилуй народ! Я не деспот, но это же невозможно!

– SOS, спасите наши уши, – пробурчала Нюрка где-то рядом.

Щелчок – песнопения стихли.

А так – обычное утро, какое-то знакомое, наверное, из прошлой жизни: шум воды, негромкие разговоры и шкворчание сковородки за стеной. Постепенно степень суеты возрастает, и начинается бардак. Солнечный квадрат наползает мне на лицо, я отворачиваюсь, чтобы грело затылок.

– Нюрка, ты не знаешь, где это угробище?

– Какое еще угробище?

– Альфредик.

– В ванной нет?

– Нет, конечно. Ты думаешь, я там не смотрела?

– Женька-а! Где мистер Альфред?

– А я доктор? Вы, девки, сушились, мне-то он на фиг?

– Нет, я не понимаю, где ЭТО можно потерять??? – Настя забегала, ругаясь, по всей квартире.

– Там же, где и мой тапочек, очевидно, – ехидно отозвалась Нюрка. – Не знаю, куда ты его засунула.

– Почему я-то? Находка, ты спишь?

– Сплю. Настя, не грузи с утра.

– Ты Альфреда не брала?

– Казань брал, Астрахань брал, Альфреда не брал... Какого еще, на фиг, Альфреда?

– Фен, – объяснила Нюрка. – Его так зовут.

– Нет. С момента приезда не трогала, – я открыла глаза и повернулась на бок, лицом к цивилизации.

– Ля-я! – начиная свирепеть, протянула Настя. – Мне на работу ехать, а хаер мокрый.

– Куда твоя работа денется? Переход законопатят? Или дядька с баяном припрётся, как в тот раз? – Нюрка хихикнула. – Сиди и сохни, певица! Тебе феном вредно сушиться, у тебя волосы крашенные. Совсем вылезут!

– А кое-кому просто завидно, потому что диеты не помогают!

– Ой, ну вот только ругаться не надо, ладно? – мне было так хорошо этим утром!

– Насть, ну вот же он, блин! Глаза у тебя сказать где? Как так можно искать? – Нюрка с грохотом стянула со стола фен за шнур, как мышь за хвост.

Мамайка поняла, что тут ей не светит спокойно поспать, и ушла. Кажется, на кухню. Наверное, поесть.

– Находка, тебя к телефону! – крикнул Женька. Я со вздохом откинула спальник, встала. Но, подумав, спальник подняла, и в него завернулась.

– Але?

– Находка, привет! Пошли в милицию? – Ирка.

– Охренели, что ли, ни свет, ни заря? Ну ладно, пошли. А ничего, что воскресенье?

– Какая разница? Дежурный-то должен быть! Давай, встречаемся на остановке. Где рынок, знаешь?

– Помню, видела вчера.

– Давай, одевайся и выходи.

– Поесть-то хоть можно? Я еще даже не покурила!

– Ну давай, тогда перезвони, – и она назвала телефон, который я записала на стене среди прочих.

Оказывается, кофе с сигаретой – это тоже кайф, ни с чем не сравнимый. Жаль, что бесконечно так балдеть нельзя; там где-то на телефоне сидит Ирка и нервничает.

Конечно, нас ждали с распростертыми объятиями. Скепсис Ирки стал понятен. Дежурный сначала перепугался, потом нехотя записал Иркины данные, её рассказ, взял одну из моих фотографий, и предложил идти домой. Как будто к ним каждый день приходят люди с потерей памяти!

– Как? И всё? – Ирка вылупила глаза.

– А что я должен ещё сделать? – раздраженно сказал дежурный. – В тюрьму её посадить?

– В тюрьму? Это мы запросто! – раздался из смежной комнаты весёлый голос.

– Идите, отдыхайте. Отправлю запрос. Ждите, если что – буду звонить. Сходите пока к врачу, возьмите справку...

По дороге домой мы с Иркой молча съели по мороженому. Хотя, погода и не располагала: солнце скрылось, и даже снежок пошёл.

– Супер-работа, – недобро сказала Ирка на прощание, прячась в воротник.

– Да пошли они, – ответила я, прикуривая. И даже сказала, куда им надо пойти.

А сама пошла домой. Ждать, когда позвонят. Больше всего меня беспокоили мои неизвестные родные. Беспокоили – не то слово. Сердце просто сжималось до боли, когда я вспоминала о них, когда пыталась представить, что может чувствовать мать, у которой пропал ребёнок. И больше всего мучило бессилие, потому что я даже не знала, какой номер набрать, чтобы просто сказать, что жива.

6

- Короче, я была права. Это надо делать самим, – сказала Ирка.
- Хорошо, ты была права, – согласился Самсон. – Теперь было бы неплохо придумать, как именно это делать?
- Начнём с того, что Находка не из Коломны, девяносто процентов. Не такой уж большой город, чтобы никто её не знал, включая учителей из школ, – сказал Кир.
- Ты что, всех учителей опросил? – изумилась я.
- Зачем всех? Человек по пять из школы. Это не особо много. Ирка, ты как? Спрашивала?
- У всех, по-моему, спросила. И в институте, и у мамы на работе...
- Короче, основная версия – что Находка откуда-то приехала.
- Ну, я сразу сказал, – Самсон начал самодовольно качаться на стуле. – Интуицию, брат, не пропешь!
- Только сдвинь корону набок, чтоб не висла на ушах, – посоветовал Кир. Самсон ответил тумаком.
- Значит, надо смотреть расписание электричек, – сказала Ирка, постучав ручкой по столу. И автобусов, кстати, тоже.
- Электрички – уже. Вот те, с которых Находка могла сойти. Смотрите, – Кир выложил на стол лист бумаги. – Маркером отмечены наиболее вероятные. Автобусы завтра гляну. Правда, что с ними потом делать – не знаю. Если только водителей поспрашивать.
- Допустим... Ах, чертов комар!.. – Самсон хлопнул себя по щеке. – Неужели эти сволочи уже вылезли?
- Это специальная ранняя порода. Для любителей, – объяснил Кир.
- У них в подвале болото, комары круглогодичные, – добавила Ирка.
- Я покурю? – спросила я, доставая сигареты.
- Можешь даже меня угостить, – сказал Кир.
- Травись на здоровье, – я протянула ему пачку.
- Благодарю, – сказал Кир, зажав в зубах сигарету. – Теперь бы еще пивка...
- Кир, а что там с отменами и дополнительными? – бесцеремонно вклинилась в его мечты Ирка.
- Все по расписанию. Ничего не убавилось, ничего не прибавилось. Даже не опоздало ничего, если верить диспетчеру.
- Монстр! – восхитился Самсон. – Даже до диспетчера докопался!
- Предлагаю, – перебила Ирка. – Долго и нудно. Не факт, что результативно. Но больше у меня идей нет. Опрос продавцов, поиск свидетелей. В электричках обычно одни и те же люди ездят. Тем более что была пятница. Как вам?
- Можно, в принципе.
- Надо штат расширять. Вчетвером мы это не осилим.
- Мужики, ну что всё я? У вас есть мысли?
- Есть, – Кир стряхнул пепел. – Опросить контролёров. Их и искать проще.
- Кстати, да. Самсон, а ты?
- А я – рядовой исполнитель. Есть у меня одна мысль. Не буду пока говорить. Если выгорит, расскажу.
- А мне-то что делать? – спросила я.
- Отдыхай пока. Можешь на станцию сходить. Вдруг что-нибудь знакомое увидишь? Или тебя кто узнает?

– Я там, на станции видела ларек «Горсправка». Какие они справки дают? Если подойти и спросить, не знают ли они меня?

– Да ну... – Ирка с сомнением посмотрела на меня, и с досадой отмахнулась, поняв, насколько я серьезно. – Да ну тебя на фиг!

7

Зашла Лерка. Я сидела в единственном кресле в соседней спальне и прятала на изнанку вытянутые петли на синем свитере, подаренном Ирккой. Вчера я замёрзла, сегодня уже не хотелось. Рядом, лежа на матрасе, балдел под Цоя Игорь. Он приехал автостопом сегодня ночью и никуда не торопился. Мне было слегка непонятно, зачем ехать автостопом в Коломну, чтобы лежать на матрасе, но спрашивать было лень. Да и более важных вопросов хватало. Кроме того, Игорь смотрел на меня каким-то ошалевшим взглядом, словно его Купидон... нет, не стрелой поразил, а пыльным мешком стукнул, что ли... Я, конечно, спросила его утром, не встречались ли мы раньше. На что он ответил, что, кажется, видел меня во сне. Поэтому моё подозрение в ударе пыльным мешком и пало на Купидона. На любовь, конечно, не тянет, но какая-то реакция идёт.

Цой пел про троллейбус, который идёт на восток, и в этом тоже было что-то ужасно знакомое, даже ностальгическое. Я мучительно пыталась вытянуть из памяти хоть что-то так же, как сейчас вытягивала петли с лицевой стороны свитера. Нитки поддавались лучше.

– Мучаешься? – спросила Лерка.

– Мучаюсь. Но не из-за свитера, а из-за памяти дурацкой.

– Сочувствую тебе. Не могу даже представить себя в подобной ситуации. Врагу не пожелаешь.

– Лер, я начала Мураками читать. Классная книга! – сказала я после некоторой паузы.

– Тебе понравилось? Здорово!

– Пойдём, чаю попьём?

– Давай.

Я отложила свитер, и мы протопали на кухню. Квартира была на редкость пустынна.

Чайник водрузили на плиту, а сами устроились у стола. Я принесла себе пепельницу и залезла на табуретку с ногами.

– Как дела? – спросила у Лерки.

– Да ничего, всё как обычно. А у тебя? Без изменений?

– Как в танке, – ответила я, доставая сигареты.

– Знаешь, Находка, странно, что тебе Мураками понравился. Ты сейчас как бы человек без жизненного опыта, а у него всё на нем держится.

– Ну не скажи. Написано очень здорово, язык красивый. Да и сюжет захватывает.

– Да, наверное, но мне он, в основном, близок взглядом на жизнь.

– Да мне, наверное, тоже, я не знаю. Раз понравилось... Знаешь, наверное, что понравилось? У него тоже вокруг сплошные непонятки, как и у меня... Лер, ты чай горячий пьешь? Или тёплого хватит?

– Лучше тёплого... Да, этим вы, пожалуй, похожи.

Я выключила газ и разлила чай.

– Находка, я совсем забыла, с чем пришла.

– И с чем?

– Я тут подумала... А что, если тебя к гипнотизеру какому сводить? Это, наверное, единственный способ что-то вспомнить.

– Жизнь круче Мураками, – задумчиво сказала я, уминая окурок в пепельнице. – Как завернет иногда!.. А где взять такого гипнотизера? Ты знаешь хоть одного?

– Можно я буду звать тебя как-нибудь покороче? А то Находку долго выговаривать.

– На здоровье, – я смахнула пепел со стола.

– Я не знаю ни одного гипнотизера. Но они ведь где-то есть?

– Наверняка есть. Но искать-то как?

– Да вон, аж на столбах объявления висят. Ну, не гипнотизеры, правда, а экстрасенсы. Да это, наверное, даже еще лучше. И в газетах постоянно пишут. Фигня, скорее всего, но вдруг? Ходька, слушай, а давай чай допьем и пойдём погуляем!

– А давай, если там не дубак! А то сижу на заднице все утро... Лер, а тебе на работу не надо? – я приняла «Ходьку».

– Я в ночь сегодня.

– Ни хрена себе... И не тяжело?

– Да у нас днём тяжелее, ночью-то спят все. Привезут кого – разбудят. А то и не привезут. Да и привыкла я уже.

– Давно работаешь?

– Давно, почти три года уже.

В кухню пришёл Игорь и опять внимательно на меня посмотрел. Что же это за сон такой ему приснился с моим участием?

– Девчонки, а можно тоже чаю?

– Да пей, пожалуйста, – отозвалась я. И усмехнулась про себя. Трех дней не прошло, а я уже веду себя как хозяйка.

– Третьим будешь, – дополнила меня Лерка.

Игорь кивнул и снова посмотрел на меня как-то странно.

– Чего? – не выдержала я. – Опять приснилась?

– Не, ничего.

Попив чаю, мы пошли на улицу. На столбах объявлений было много, да вот только нужных как-то не встретилось. Тогда мы купили газету и кулёк семечек, и сели на ближайшую скамейку.

Ни одно объявление доверия не внушало, ни матушки, ни потомственные ведуньи, ни белые магистры. Совсем ни капли. С фотографий смотрели рожи, из всех сил изображающие загадочность. Лерка морщила конопатый носик, я вздыхала. В конце концов объявления мне наскучили, зад замёрз. Я встала, закурила и стала разглядывать людей, перебирая в кармане шелуху от семечек. Упорная Лерка продолжала штудировать газету, но вскоре тоже сдалась.

– Знаешь что? Пожалуй, я у мамки спрошу, она там своих женщин порасспрашивает. Вдруг кто кого порекомендует?

Я пожала плечами:

– Ну, попробуй. Может и правда поможет, – спохватилась, что шелухе не место в кармане, и вытряхнула ее в урну.

Потом мы разгадали кроссворд моей зажигалкой (она же ручка), догрызли семечки. И, выбросив газету в ту же урну, пошли бродить. Намотавшись по Коломне до гудения в ногах, поехали к Лерке в гости. У неё оказалась интересная квартира. На полках стояли модели кораблей. «Это папка собирает, а мамка ворчит, что он ерундой занимается. А по-моему, это здорово, когда человек чем-то увлечён». Кровати были застелены лоскутными покрывалами, а рядом с ними висели светильники с абажурами из той же ткани, что и подушки. А Леркин секретер был набит книгами, кассетами и коробочками с бисером.

– Кто это шьёт? – спросила я о покрывалах и подушках.

– Да я, когда делать нечего.

– И почему ты медсестра?!

– Чтобы людям хоть немного легче жилось, – серьёзно ответила Лерка.

– Все художники. Белый – фотограф. Ты... – я запнулась, подбирая слово. – Ты просто художник, наверное. Рукодельница. Это город такой, или просто мне повезло?

Лерка засмеялась:

– Тебе еще как повезло! Знаешь когда? Когда тебя этот ловелас на вокзале увидел. Он ведь тебя на вокзале нашёл, да?

– Ловелас? Это Андрей, что ли? – я засмеялась.

– Ага. Ещё какой! Хлебом не корми! Если он к тебе пока не приставал, то у тебя все впереди.

Мы дотемна пили чай в уютной Леркиной квартирке, забыв о колдунах и гипнотизерах. Лерка рассказывала мне обо всех понемногу. Что Женька – сын алкоголиков, его родителей лишили прав, а потом они умерли, и он жил в детдоме. Потом вернулся в свою квартиру, но один жить не смог, и принимает у себя всех желающих. Что Тёмка из Саратова, несколько раз резал вены, а теперь нашел Нюрку, ездит с ней автостопом и периодически живет у Женьки. Что Настя москвичка, поёт в переходах, но дома ночует редко, чаще у того же Женьки. У неё был двухдневный роман с Белым, и теперь она его ненавидит; зато мечтает записать хитовый альбом и прославиться. Рассказ об одном человеке потихоньку перетекал в другой, задевая тех, кого я еще не знаю. А может, и не узнаю.

Домой я ехала на маршрутке на Леркины деньги.

– Мы уж думали, что ты снова потерялась, – сказал Женька.

– А Игорь решил жить здесь, пока ты не найдешься, – поделилась новостью Настя.

– Я чувствую, скоро матрасы будет некуда класть, – улыбнулся Женька и выключил газ под чайником.

– Кажется, всё-таки влюбился, – буркнула я насчет Игоря.

8

– Значит так, – начал доклад Самсон на следующий вечер. – В Московских электричках Находку никто не видел. В смысле патрулей.

– Но это не значит, что ее там не было, – буркнула Ирка. – Все мы знаем, как работают наши доблестные сотрудники.

– Это да. К тому же, тебя видела бабулька, торгующая семечками. С каким-то парнем, говорит.

– Где она меня видела?

– В Раменском. Вы купили семечки и сели в электричку. По времени похоже.

– Семечки? Подожди...

– Что? Ты помнишь семечки?

– Нет. В смысле, помню, но они были вчера. Знаешь что? Я упорно складывала мусор в карман. А когда я только появилась у вас, у меня в кармане шелухи, кажется, не было.

– Так, нашли тебя в куртке?

– Это как в капусте?... Вроде как, Ирка же везде записала: зелёная куртка.

– Тащи её сюда. Будем по карманам лазить.

– Кир, это не факт. Я могла их и выбросить. Вчера, по крайней мере, выбросила.

– В чем ты вчера была?

– В куртке и была, у меня она одна.

– Выверни карман.

Я, скорчив рожу, выполнила указание.

– Видишь? – спросил Самсон. – Они так просто не отцепляются.

– А тогда никакой шелухи не было!

– Не факт! Все не факт! Ничего это не значит и не доказывает! Самсон, ты записал, какой парень?

– А то!

В кухню вошел Игорь.

– Я вам не помешаю? Кушать хочется.

– Кушай, пожалуйста.

– Ира, ты всех строишь, а у тебя-то что?

– Продавцы ничего не помнят. Кто-то говорит, что Находка у них точно ничего не покупала, кто-то просто ничего не помнит. Хуже Находки! И с пассажирами глухо. Завтра пойду. Тоже пятница будет.

– Надо вдвоем. Один со стороны Москвы, другой – со стороны Рязани.

– Давай, Кир! Пошли. Я себе плакат с фоткой сделала, тебе сделаем такой же. И пойдешь по вагонам.

– Памажи-ите! Сами мы не местные! – заблажил Кир. Ирка свернула тетрадь в трубочку и треснула Кира по лбу.

– Я – сама серьезность! – Кир мгновенно исправился.

Игорь, наложив себе в тарелку риса, пристроился к столу.

– Слушай, сама серьезность, а что с твоими контролерами?

– Никто ничего путного сказать не может. Может, была, может, нет.

– В общем, все как всегда.

– Да лажа это все, – отозвалась я с подоконника, равнодушно стряхивая пепел в банку из-под кильки. – Так никогда в жизни ничего не найдешь.

– Как это ничего? А бабка с семечками?

– Самсон, так что за парень?

Самсон достал кассетный диктофон и нажал на перемотку.

Игорь дожевал свой пустой рис и пристроился к раковине мыть посуду.

Чтобы перекричать шум воды, Самсон повысил голос:

– Волосы русые, нестриженные, но не длинные. Ростом примерно с меня. Нос с горбинкой и глаза широко посаженные, как я понял. В джинсах, в чем-то сером. Находка, знаешь такого?

– Ага, конечно, знаю! – ответила я, глядя на голубей, гуляющих по козырьку подъезда.

9

Погода была не очень приятной, дул ветер, и с неба валил снег. Хотя для начала апреля не такая уж и диковина. Я даже шарфом обмоталась.

Мы с Иркой вышли к паровозу. Малолетний свидетель, с которым нам предстояло встретиться, знал только эту местную достопримечательность. Мальчик представился Павлом Сергеевичем и сказал, что видел меня в электричке.

Вчера Ирка разговаривала с бабушкой, которая, якобы, меня тоже видела. Божий одуванчик рассказала, что я ехала от самой Рязани, а она сидела напротив. Я по ее словам сначала смотрела в одну точку на оконной раме, потом уснула; а в Голутвине вылетела из вагона как ошпаренная.

Ирка все это записала, а теперь нервничала. Потому как бабка с семечками видела меня совсем в другой стороне. Теперь вся надежда была на мальчика.

Павел Сергеевич в модных штанах и куртке, когда нас увидел, прыгнул с паровоза и подошел. Мы солидно поздоровались.

– Что, уже нашлись? – спросил он у меня.

– Нашлась, – ответила я. – Только ничего не помню. Меня там, в электричке, ограбили. Стукнули по голове, а я не помню, кто.

– Я не видел, как грабили, – с сожалением вздохнул мальчик. – Значит, вас ограбили до Луховиц. Я там сел, и после этого никого не грабили, – торопливо объяснил он, слегка картавя и от этого старательно выговаривая букву «р».

– А ты уверен, что это та самая девушка? – приступила к допросу Ирка.

– Уверен!

– Ну, расскажи, что она делала в электричке!

– Спала всё время! А может, она была без сознания оттого, что её стукнули? – он с ужасом округлил глаза.

– Может быть. А почему ты на неё внимание обратил?

– Да потому что она так спала! Там даже мужик с гармонью шёл и орал, а она не проснулась. Точно, без сознания! А я-то думал! А я... – он смутился. – Я могу доказать, что её видел... Только вы не будете ругаться?

– Не будем, – подозрительно сказала Ирка.

– Я ей... вам... на брюки жвачку прилепил изнутри. Посмотрите, если хотите.

– Хренушки, – нарочито хмуро сказала я. – Нет там ничего.

– Есть! – он аж подпрыгнул.

– Нет! – я тоже подпрыгнула, его передразнивая. – Я её уже отскребла!

И все облегченно рассмеялись.

10

В субботу с утра мы собирались на реку, жечь костер. Но ни свет, ни заря приехала Ирка и сказала, что мы с ней едем в Москву. Кто хочет, тот с нами. Я позвонила Лерке, она приняла предложение.

Недолго думая, мы собрались, у стелы под кодовым названием «хухра и мухра» встретились с Леркой и Самсоном, неожиданно наткнулись на Белого, который радостно присоединился к нам. Купили билеты, и поехали в Москву. Я по такому поводу оделась попримечнее, насколько это было возможно – в джинсы с водолазкой, а на шею привесила феньку с меховым хвостиком. Было настолько тепло, что куртку решила вообще не надевать.

Электричка пришла на Казанский вокзал, но в этом не было ничего знакомого. Болтая о всякой чепухе, доехали до Арбата. Точнее, болтали, в основном, Ирка с Самсоном, вспоминали разные случаи из своей сыскной практики, а мы с Леркой и Белым молча слушали.

Арбат оказался суматошной тесной улицей с фонарями, матрёшками, ушанками и Бог знает чем ещё. По Арбату пробежались галопом, купили по хот-догу на «Смоленской», сфотографировались под фонарем и остановились, наконец, поесть и покурить спокойно.

– А ты москвичка, – сказал мне Белый с улыбкой. Я вздрогнула. Сердце заколотилось, будто бы почуяло близкую разгадку моей тайны.

– Почему? – шепотом спросила я.

– Ты хорошо в метро ориентируешься. На эскалаторе не теряешься. Буднично себя ведешь, в общем.

– Вот и я об этом, – согласилась Ирка, хотя до этого не говорила ни о чём похожем.

– Хотя с таким же успехом можешь оказаться и из Питера, и ещё откуда-нибудь, где метро есть, – подумав, сказал Белый. – Но мне всё-таки кажется, что ты из Москвы.

– Белый, в таких делах не должно казаться. Нужно быть уверенным и иметь доказательства.

– Ирочка, любая уверенность начинается с предположений.

– Ир, а на фига мы сюда поехали? – прервала я их начинающийся спор.

– Была надежда, что ты из Москвы, и, увидев, вспомнишь город.

– Не узнаю, Ир. Все это зря. Нет у нас ничего.

– Надо ехать в ГУМ, к фонтану. Там программу снимают, я один раз видела, – почему-то смущаясь и сбиваясь, сказала Лерка. – Люди, которые кого-то потеряли, друг друга ищут.

– Лерка, гений!!! – Ирка подпрыгнула. – То ли «Жди меня» называется, то ли «Ищи меня»... Я тоже пару раз видела. Поехали!!!

– Ходь, слушай. Я все думаю, может, ты и там была? Где семечки? Может, съездим как-нибудь? Очную ставку устроим? Вдруг бабка просто время перепутала.

– Давай съездим, если ты так просишь.

– И Рязань надо как-то отрабатывать, раз ты, скорее всего, с той стороны ехала...

– Надо...

Но в ГУМе было пусто. То есть, не пусто, конечно, но у фонтана столпотворения не наблюдалось, и камер не было. Мы пошатались по магазину, разинув рты, да так и ушли ни с чем.

Потом зашли в музыкальный магазин, а в переходе я потерялась. Метнулась туда-сюда. Стало страшно, но я довольно быстро сообразила, что ничего ужасного не случилось. Доеду до Комсомольской, сяду в электричку – и дома. Чего панику-то поднимать?

– Находка! Ты где? А где все?

– Белый, Андрей, вот здорово, что ты здесь! Я вас всех потеряла! А где они? Ты не знаешь?

– Не знаю, отошел пленку посмотреть, а все делись. Только тебя углядел.

Я засмеялась. Мне сразу стало радостно и спокойно. Вдвоём тем более выберемся! Да и скучно не будет.

– Пойдём, погуляем? А то Ирка всё галопом да галопом.

Я согласилась.

Мы вернулись, прошли по Красной площади, спотыкаясь на брусчатке. Белый сфотографировал меня на фоне Собора Василия Блаженного, я его – на фоне Мавзолея.

– Я, знаешь, никак не могу понять, как это – ничего не помнить.

– Я, Андрей, сама еще не поняла. Ужасно дурацкое ощущение.

– Ходь, а тебе сны не снятся? Вдруг ниточка какая к прошлому?

– Сны? Слушай, а ведь мне приснился сегодня сон. Станный какой-то, – я остановилась и внимательно посмотрела на Белого. Он достал сигареты, протянул мне. Я благодарно кивнула и закурила, размахала рукой дымок.

– Приснилась большая серая крыса. Усатая такая, и носом шевелит, быстро-быстро так – нюхает. А я будто бы лежу на своем матрасе. Она прошла по подушке, и стала меня изучать. В один глаз заглянет, в другой. Потом в нос понюхала. А я смотрю на это все так спокойно. Мне совсем не страшно, не противно. Крыса меня обнюхала, а потом так тяжело вздохнула и ушла... Не знаешь, к чему?

– Крысы? Не знаю, честно говоря. Да, символично, наверное, но я сны разгадывать не умею.

– Конечно, сны – не показатель. Мало ли что приснится!

– Ты знаешь, Находка, всё сидит у тебя внутри, в подсознании. И сны могут что-то подсказать. Смотри, ты и метро знаешь, и еще что-то. Говори, не задумываясь, что-нибудь да скажешь. Да, это, наверное, сейчас самое правильное – сначала говорить, а потом думать. Вот смешно! – он действительно засмеялся. – Обычно учат наоборот. Что еще раз доказывает, что нет ничего абсолютного!

11

Две недели я прошталалась бесцельно по весенней Москве с «Крематорием» в ушах, и выучила кассету наизусть. Садилась утром в электричку, билет брала не всегда и до вокзала не доезжала. В Москве объездила наугад несколько окраин, а ближе к вечеру обязательно ехала на Арбат. Теперь я почувствовала в этой улице какую-то ауру, которая тянула сюда всех. Мне стало нравиться бродить там, толкаться среди людей, бессмысленно разглядывать сувениры и лица. Я съедала полбуханки хлеба, курила где-нибудь у стенок и бродила мимо фонарей и художников в надежде кого-нибудь встретить.

И это произошло. Однажды парень в длинном плаще на бегу крикнул мне, обрадовано подняв брови: «О, привет! Ты подстриглась? Тебе идёт! Я сейчас спешу, вечером позвоню!» Я автоматически кивнула, и тут-то до меня дошёл смысл и масштаб случившегося... Но парень успел затеряться. Я шла, высматривая его, до самой «Праги», но так и не увидела. Станный город – Москва. Люди, как сквозь землю проваливаются.

Но настроение, несмотря на мою несообразительность, не испортилось, а, скорее, даже наоборот. «Хоть бы по имени назвал!» – весело думала я. По крайней мере, хоть кто-то в Москве меня знал. Второе – «вечером позвоню» – это значит, что в другой город ехать не надо, что позвонить проще простого, как и встретиться. Следовательно, Белый прав. Я наверняка москвичка. И третье – этот скоростной тип позвонит моим родным и, надеюсь, скажет, что видел меня на Арбате.

В тот вечер я приехала домой радостная, позвонила Ирке, Лерке, и всё всем растрезвонила.

А ночью мне приснился ещё один сон. Непонятный и какой-то страшный. Будто бы сидим мы с Белым и Андреем в каком-то каменном доме с выбитыми стёклами. По полу бродит ворон и поглядывает на меня.

– Разгребли, слава Богу, – говорит Андрей, выпуская дым. Мне тоже хочется курить, но я почему-то не могу попросить.

– Мертвяков много, – глухо отвечает Белый. – Переборщили.

– У меня все руки в кровище, помыть бы...

Я вижу, что я тоже вся в крови, на полу липкие лужи. Но я знаю, что сделала что-то хорошее.

– А рвануло здорово. Ты, Ходька, молодец.

– В гробу я видала... – с тоской отвечаю я, и тут из дверного проёма выглядывает дуло и целит в Белого. Я пытаюсь закричать, но голос мне не подчиняется. Хочу броситься и оттолкнуть Белого, но двинуться тоже не могу, словно окаменела. А Белый курит, глядя в ноги, и стряхивает пепел на пол.

Я проснулась в этом безмолвном крике. Долго лежала, пытаюсь утихомирить сердце. Отсюда, из яви, как из окна, лужи крови не казались такими страшными. Я трезво попыталась проанализировать сон.

Больше всего меня мучил вопрос – кровь, развалины и разговор – это из прошлой жизни? Может, это даже причина моего загадочного избирательного беспамятства? Вероятность довольно высока.

Или это большая фантазия?

Но так или иначе – подобные сны ни с чего не снятся; в нём, возможно, кроется разгадка всего этого безобразия.

Мамайка подошла, понюхала мой висок и залезла на спальник. Долго-долго вылизывалась, и убаюкала меня своим спокойным, будничным занятием.

– Находка, есть одна мысль, – разбудил меня шёпот. Я открыла глаза. Рядом сидел Игорь.

- Какая? – сипло спросила я. – А сколько времени?
- Девять утра. Надо по Москве расклеить листовки с твоей фотографией и Женькиным телефоном. Кто знает, позвонит.
- Ага. Как реклама борделя. Ты и придумал! Представляешь, сколько звонков будет?
- Ну и пускай! Наверняка, и твои знакомые отзовутся! Это того стоит.
- Тогда езжай к себе домой и давай свой телефон. Женька-то ни при чём совершенно! К тому же, представляешь, сколько на Москву листовок надо?
- Я думаю, что это решаемо.
- А вообще-то... – я задумалась. Игорь подал неплохую мысль. Когда все проснулись, я поделилась этой мыслью с ними. Осуществлению поспособствовала Лерка, точнее рекламная фирма, обитающая на территории больницы. Эта контора, как большинство окружающих, при моём появлении резко пожелала проявить благородство и напечатала две сотни наклеек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.